

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Российский потенциал в действии

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОКНО В НОВУЮ
ГЛОБАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ**

Панельная дискуссия

21 июня 2012 г. — 11:45—13:00, Павильон 5, Зал 5.1

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

Модератор:

Виктор Христенко, Председатель коллегии, Евразийская экономическая комиссия

Выступающие:

Райнер Хартманн, Председатель, Ассоциация европейского бизнеса в Российской Федерации

Алехандро Хара, Заместитель генерального директора, Всемирная торговая организация

Андрей Кобяков, Посол Республики Беларусь в России

Александр Рар, Директор, Центр им. Бертольда Байтца при Германском совете по внешней политике

Александр Шохин, Президент, Российский союз промышленников и предпринимателей

Андрей Слепнев, Член коллегии, министр по торговле, Евразийская экономическая комиссия

Татьяна Валовая, Член коллегии, Министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике, Евразийская экономическая комиссия

Участники дискуссии:

Александр Дынкин, Директор, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Игорь Финогенов, Председатель правления, Евразийский банк развития

Жан-Пьер Тома, Автор доклада The Euro-Russian Economic Area

Игорь Юргенс, Председатель правления, Институт современного развития; председатель комитета по развитию пенсионных систем и социальному страхованию, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)

В. Христенко:

Добрый день!

Я рад приветствовать всех участников нашей дискуссии, нашего обсуждения новых вызовов, стоящих не только перед странами, представители которых собрались в этом зале, но и приобретающих все большее глобальное значение. Мы имеем дело с реальностью в новом формате евразийской интеграции и амбициозных задач и целей, которые ставят руководители России, Казахстана, Белоруссии по созданию полноценного евразийского экономического союза к 2015 году. Фокус евразийской интеграции становится еще более очевидным и значимым. Безусловно, это некий ответ на новые вызовы, которые генерирует глобальный кризис. Поэтому процессы евразийской интеграции вызывают к себе пристальное внимание.

Сегодня утром мне повезло участвовать в российско-европейском треке бизнес-диалога по той же самой проблематике, которая вызывает интерес у бизнеса, у наших европейских коллег. Так что же такое эта евразийская интеграция? Это окно возможностей, которыми можно воспользоваться, или это закрывающаяся дверь для тех, кто в интеграции не участвует? Это новое слово в ответе на глобальные вызовы? Я думаю, что именно об этом мы сегодня сможем обменяться мнениями в режиме свободной дискуссии. Я надеюсь, что это будет интересно не только для присутствующих, но и для участников, а также надеюсь на то, что мы уложимся в отведенное время.

Я хочу передать слово для первого выступления члену коллегии, министру евразийской экономической комиссии, отвечающей за вопросы развития экономической интеграции Татьяне Дмитриевне Валовой. Татьяна Валовая связана с этой темой всю свою сознательную жизнь. Она не только администратор, отвечающий формально за некоторые процессы, но и ученый, профессор, глубоко погруженный в обозначенную тематику. Пожалуйста.

Т. Валовая:

Спасибо, Виктор Борисович. Добрый день, уважаемые участники нашей встречи.

Действительно, в ее анонс вынесен такой тезис: риски глобализации и риски интеграции. Я бы сказала о рисках ложной глобализации и ложной интеграции, потому что, на мой взгляд, реальной глобализации у нас просто нет, а у интеграции, если она закономерно развивается, если она продиктована объективными причинами, риски отсутствуют. Бесспорно, мы все переживаем кризис, и не знаем, когда он завершится, будет ли его вторая волна. Но, я думаю, что мы можем предсказать, чем завершится этот кризис. А завершится этот кризис рождением новой мировой экономической системы. И эта система, на мой взгляд, будет реальной, настоящей глобальной экономикой.

Нынешняя мировая экономическая архитектура, которую мы именуем глобальной без достаточных на то оснований, тоже родилась после кризиса, великого кризиса 20-х, 30-х годов прошлого века. Конечно, свою лепту в ее формирование внесла Вторая мировая война. Государства, создавая новую систему мироустройства после Второй мировой войны, в первую очередь ставили перед собой задачу организовать мир таким образом, чтобы избежать новых войн, и только во вторую — создать место для глобального консенсусного принятия важных решений. Так родилась Организация Объединенных Наций, в которую вошло большинство государств мира. Так родились Бреттон-Вудский институт и ВТО, имевшие на тот момент гораздо меньшее количество участников. Эти институты стали площадкой для цивилизованного разрешения споров, а не для выработки глобальных экономических решений. Глобальные экономические решения выработывались в ином месте. А вот бизнес на вызов кризиса ответил, и ответил, воспользовавшись итогами научно-технической революции, активно включив в процесс глобализации свои связи. В итоге мы сегодня имеем глобальную взаимозависимость, взаимные переплетения национальных экономических систем на микроуровне и отсутствие глобального экономического управления на макроуровне. Есть глобальная финансовая

сеть, есть транснациональный бизнес, даже Ротшильд с Рокфеллером объединяются, а вот мирового правительства, как бы ни судачили на этот счет, нет. И организации, призванные принимать глобальные экономические решения, как раз в период кризиса осознали, что у них нет достаточных на этот счет полномочий. Противоречие между глобализацией экономических процессов на микроуровне и отсутствием этого управления на макроуровне является первопричиной кризиса и, соответственно, по марксистской догме, разрешение этого противоречия должно стать итогом кризиса.

Укреплять позиции существующих глобальных институтов, конечно, полезно. Перераспределять в их рамках голоса в пользу новых бурно развивающихся экономик тоже важно. Создавать новые структуры типа «Двадцатки» и укреплять их правильно. Но достаточно ли этого? Думаю, что нет. Решения, принимаемые «Двадцаткой» — даже если это более представительный формат, чем «Восьмерка» — вряд ли будут приемлемы для всех. А если мы по-прежнему будем пытаться вырабатывать глобальные решения от имени, скажем, двухсот участников мирового экономического сообщества, то процесс рискует стать бесконечным; в частности, ход Дохийского раунда ВТО как раз показывает сложность проблемы. Если же эти две сотни участников мирового экономического процесса предварительно разобьются на региональные экономические команды и сначала внутри скоординируют свои позиции, а затем от лица этих команд будут определять глобальные правила игры на мировом экономическом поле, то, вероятно, этот процесс сможет стать более системным, более внятным и менее кризисным. Именно поэтому кризис подтолкнул тенденцию к регионализации, которая вовсе не является альтернативой глобализации. Это две стороны одной и той же медали: процесса формирования мировой экономической архитектуры. И Евразийский проект — яркое его проявление. Действительно, Евразийский союз, экономический союз, который должен стать реальностью к 2015 году, мыслится как равный партнер и Европейского союза, и бурно развивающегося Азиатско-тихоокеанского региона.

С утра в этом зале говорили об образовании общего экономического пространства с Европой. С формированием Таможенного союза здесь игроком становится не Россия, а Таможенный союз. Одновременно бурно развивается процесс либерализации в Азиатско-тихоокеанском регионе. Россия председательствует в этом году в АТЭС и активно участвует в его работе, а Белоруссия и Казахстан, как страны-партнеры России по Таможенному союзу, тоже подключены к ней. Естественно, Евразийский экономический союз, по разным правилам игры пытается гармонизироваться и с Европой, и с Азиатско-тихоокеанским регионом.

Благодаря этой работе, наверное, и будут выработываться некие глобальные правила игры. Это должно привести к тому, что от бесплодных попыток установить прямую экономическую демократию, когда решения принимаются всеми государствами мирового сообщества, мы перейдем к представительной экономической демократии, когда правила игры сначала будут выработываться некими региональными форматами, а затем эти региональные объединения будут определять правила игры на глобальном поле. Это будет представительная экономическая демократия, но именно так работает демократия в политике. Почему бы ей не работать таким же образом и в экономике?!

Я уверена, что такой процесс приведет к последствиям, равным последствиям эпохи великих географических открытий. Новые географические игроки появляются на карте: то есть, география не меняется, но новые государства, новые их объединения становятся ключевыми. Концентрические интеграционные круги Европы и Азии закономерно пересекаются там, где расположен наш Евразийский экономический союз. Хотя Виктор Борисович сказал, что я всю сознательную жизнь занимаюсь интеграцией, пространственные масштабы нашего объединения я осознала совсем недавно. Мне захотелось понять, где находится географический центр нашего объединения, нашего Таможенного союза, потому что в интеграции, как в любом политическом процессе, очень важны символы. Еще Конфуций в свое

время сказал, что миром правят символы, а не слово и закон. Европа действительно имеет много символов. Она родилась в Риме, в Вечном городе на Капитолийском холме. Договор о Европейском союзе был подписан вблизи первой столицы Карла Великого. А вот символика евразийской интеграции оказалась более загадочной. Хотя центр нашего Таможенного союза расположен очень далеко от населенных пунктов, это место знакомо каждому из вас. Там не надо ставить никакой стелы с надписью: географический центр Таможенного союза, центр Евразийского экономического союза, потому что это место уже отмечено знаком свыше в прямом смысле слова. Именно там с Землей повстречался посланник из космоса — то ли тунгусский метеорит, то ли тунгусская комета, не повредив ни одной живой душе, потому что живых душ в тот момент там не было... Этот центр далек не только от Москвы и Минска, но и от Астаны, и это центр огромного евразийского объединения, потенциал которого нам еще предстоит раскрыть. Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, Татьяна. Я понимаю, что финальная символика и предложения по новой мировой экономической архитектуре, как минимум, заслуживают внимания и еще раз свидетельствуют, что амбиции у евразийской интеграции высоки и что при этом мы люди достаточно поэтичные при всей нашей многотрудной работе...

Сейчас завершается этап присоединения России к ВТО. Он длился 16, 17 либо 18 лет — считают по-разному, — но любая из этих цифр впечатляет! Сегодня мы говорим и об этом событии, и о реальности евразийской интеграции. Казахстан стоит на пороге присоединения к ВТО. Мы надеемся, что углубление интеграции позволит продвинуться быстрее и поможет не только Казахстану, но и Беларуси вступить в эту организацию. У мира есть задача завершить изменение структур, которые им управляют: ВТО точно так же переживает Дохийский раунд уже много лет. Возможно, присоединение России к ВТО совпадет с обновлением этой организации. Ситуация

осложняется тем, что в ВТО появляются все более значимые, все более серьезные партнеры, которые высказывают свои взгляды на справедливость. Я хочу дать слово Алехандро Харе, заместителю генерального директора ВТО, человеку, который много лет знает не только эту организацию и деятельность в ее рамках, но которому, как бывшему представителю Чили, знакомы и проблемы региональной глобализации, и работа АТЭС.

Алехандро, Вам слово.

А. Хара:

Спасибо большое. Я рад присутствовать здесь. Постараюсь говорить кратко и осветить четыре основные темы.

Первую из них затронула госпожа Валовая в начале своего выступления: это тема кризиса. Мы столкнулись с кризисом, порожденным финансовыми системами ряда стран и затронувшим весь остальной мир. Никто не огражден от влияния кризиса, поскольку вследствие глобализации у нас появился глобальный рынок.

Проблема заключается в том, что при глобальном характере рынка финансы регулируются на национальном уровне. Чтобы выбраться из этого кризиса и предотвратить новые, мы должны развивать международное сотрудничество, разрабатывать новые международные правила и нормы в этой области. В торговле это уже сделано: выработан всеобщий свод правил и норм. Он далек от идеала, но он работает. Он появился благодаря переговорам и введен в действие с помощью правовых процедур. Он защищен инструментами урегулирования споров.

Мне кажется, это сбалансированный механизм. Конечно, его можно улучшать, но все зависит от хода переговоров. Некоторые страны подключаются к процессу быстрее, чем другие, и проблема состоит в том, что руль оказывается в их руках. Все зависит от того, сколько времени им требуется для адаптации законодательных и нормативных актов к правилам и нормам ВТО.

Я хотел бы также сказать о том, что сегодня бизнес все чаще использует глобальные логистические цепочки. В них входят многие страны: детали и комплектующие производятся в одних странах, сборка делается в других, а конечный продукт затем доставляется на потребительские рынки.

К примеру, сборка часто происходит в Китае. Если Евразийский регион хочет участвовать в глобальных логистических цепочках, ему необходимы устойчивая деловая среда и устойчивый рынок. Вот вторая тема, которой я хочу коснуться: Евразийская экономическая интеграция имеет стратегический характер. Она обусловлена политическими соображениями и ведет к появлению более крупных рынков, усилению конкуренции и повышению конкурентоспособности экономик. Интеграция позволит евразийским странам участвовать в глобальных логистических цепочках. Умения и навыки жителей этих стран приведут к повышению эффективности этих цепочек.

Для встраивания евразийской интеграции в мировые интеграционные процессы и включения ее участников в экономические отношения, основой которых все больше служит взаимозависимость сторон, необходимо присоединение этих стран к ВТО хотя бы в части торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью. Россия вот-вот станет членом ВТО. Осталось только ратифицировать эту договоренность. Казахстан, как было отмечено, достиг в этом отношении значительных успехов; мы надеемся, что в ближайшие месяцы или годы в Беларуси также наметится прогресс.

Это необходимый шаг, поскольку членство в ВТО дает право непосредственно участвовать в выработке правил организации.

Моя третья тема— формат интеграции. Мне всегда было непонятно, почему этими странами— по крайней мере, если говорить о членах Таможенного Союза, — был выбран очень трудный формат. Таможенный союз предполагает не только свободную торговлю между странами-участницами, но и общие внешние тарифы. Кроме того, он предполагает согласование и гармонизацию различных процессов, в том числе макроэкономической

политики, а также правил в сфере труда, конкуренции и применения законов. Здесь нельзя ограничиваться едиными тарифами. Это крайне монотонная работа, которая не скоро приведет к успеху. Европейский ~~с~~лучший пример действующего таможенного союза, но и этот союз до сих пор улучшают. Конечно, ситуация везде разная. У членов Таможенного союза много общего между собой, и это помогает им, но все равно сложностей слишком много. Если взять Латинскую Америку, откуда я родом, то многочисленные попытки создать там работающий таможенный союз заканчивались пока неудачно. Причина состоит в том, что нет четкой концепции союза и нет эффективных механизмов его работы.

Перейду к последней теме. Хотел бы подчеркнуть, что верховенство закона— как внутри каждой страны, так и в мире— предст авляется мне необходимым условием для появления взаимного доверия, уверенности и стабильности. Мне кажется, что в бизнесе важно проявлять уважение к другим странам и понимание их интересов. Во время кризиса увеличивается число протекционистских мер, но многие из них не противоречат правилам ВТО. Некоторые, конечно, противоречат, и нас это беспокоит. Сейчас идет процесс ратификации договоренности о вступлении России в ВТО. В—СМИ крайней мере, в Женеве ~~я~~ появляются различные предложения относительно того, как Россия может обойти правила ВТО. Многие члены ВТО уже выразили свою обеспокоенность. Им хочется знать, что происходит на самом деле. Вряд ли это способствует созданию атмосферы доверия. Уверен, что слухи не соответствуют действительности, но они подрывают доверие, которое так трудно приобрести и так легко потерять. Спасибо.

В. Христенко:

Большое спасибо.

Господин Хара упомянул о том, что внутривполитическая дискуссия в России о завершении процесса вступления в ВТО — это тоже результат развития страны, которая 18 лет назад начинала переговоры в совсем другом виде. А

теперь развитая демократия позволяет всем высказывать свои соображения по этому поводу. Наверное, теперь мы будем жить именно в условиях такой открытости и прозрачности. Мнения, которые нам нравятся или не нравятся, так или иначе будут учитываться. Я полагаю, что все это завершится успешно, Россия пройдет этот этап, политики, завершая свою дискуссию, проголосуют обеими руками «за». Но, когда речь идет о развитии интеграции, об углублении процессов интеграции, совершенно очевидно, что важно, чтобы голосовали не только политики, а чтобы бизнес голосовал деньгами, чтобы экономика получала дополнительное развитие. Сегодня есть показатели, есть статистика, которая говорит, что уже на первых шагах углубление интеграции дает эффект. Но, естественно, все мы хотим большего, а для этого нужен активный диалог по формированию правовой среды из набора лучших практик как наших трех стран, вошедших в интеграционное объединение, так и международных.

В связи с этим я хочу дать слово Александр Николаевичу Шохину, который сегодня представляет бизнес в качестве президента Российского союза промышленников и предпринимателей, но прежде имел непосредственное отношение и к переговорному процессу по ВТО, и к интеграционным процессам, которые протекали в то время. Вероятно, его новая позиция позволяет ему с разных точек зрения не только оглянуться назад, но и посмотреть вперед.

А. Шохин:

Спасибо, Виктор Борисович, за возможность выступить и за ваше приглашение вспомнить историю.

Действительно, в начале 90-х годов была попытка удержать то, что еще можно удержать и создать интеграционные группировки на географическом пространстве бывшего Советского Союза. В частности, я вспоминаю, что в апреле 1994 года мы почти создали мощную интеграционную группировку Россия и Беларусь, включая создание единой денежной единицы.

Препятствием оказалась то, что надо было изменить конституцию, как минимум, одного из государств, указав, что единым эмиссионным центром является Центральный банк Российской Федерации, и внести поправку в конституцию Беларуси, указав, что единственным платежным средством Республики Беларусь является белорусский рубль, если иное не предусмотрено международными обязательствами Республики. Но в то время должны были состояться выборы, и тогдашний премьер-министр Кебич решил не рисковать и не включать интеграционную тематику в свою предвыборную программу, что позволило Александру Григорьевичу Лукашенко с большим отрывом победить на выборах. Правда, после этого, процесс интеграции несколько затянулся, и только создание Таможенного союза и Евразийского экономического пространства позволяет говорить о том, что те идеи сегодня оказались востребованы и выстроены не только в общем виде, но и через конкретные механизмы интеграции.

Хочу сказать несколько слов об универсальных механизмах интеграции. Татьяна Валовая вбросила в дискуссию эту тему. Безусловно, для всех стран, входящих в региональные и иные интеграционные группировки, базовым все-таки является законодательство и право ВТО. Неслучайно на утренней сессии, посвященной отношениям России и Европейского союза, дискуссия шла вокруг темы «Что такое новые базовые соглашения? Новый базовый договор ВТО плюс». Кстати, Виктор Борисович, никто так и не дал ответа на вопрос, что такое «ВТО два плюса». Вы эту загадку задали, вам на нее и отвечать! Безусловно, Россия, вступает в ВТО и будет добиваться соглашения с Европейским союзом не по чистой «формуле ВТО» или «свободная торговля плюс еще что-то». Видимо, будет система взаимных уступок. В частности, не исключая, что новый договор с Европейским союзом будет достигнут по формуле «ВТО плюс-минус». В смысле: «ВТО плюс свободная торговля, плюс свобода инвестиций, минус энергетический пакет», что позволит учесть интересы России в этой чувствительной сфере. Какая арифметика в итоге

будет, не знаю, но очень бы хотелось, чтобы формула сложения преобладала над формулой вычитания.

Когда мы говорим о рисках ВТО (утром тоже об этом упоминалось), то один из главных рисков связан вовсе не с уровнем таможенной защиты внутреннего рынка. Возможно, так и задумано, и евро так себя ведет неуверенно, чтобы помочь России адаптироваться к вступлению в ВТО, ведь если рубль девальвировать, и, скажем, с 32 подняться до 33 или 34 рублей за доллар, то соотношение к евро перебьет все обязательства по снижению уровня таможенной защиты. Может быть, европейцы тоже играют с нами в эту игру?

Это, конечно, шутка, но, тем не менее, одна из проблем и один из рисков, с которыми столкнутся наши компании — это то, что мы не умеем работать в условиях ВТО. Ведь только у крупных экспортно-ориентированных компаний есть юристы, которые умеют судиться в международных судах, отстаивать свои интересы в различного рода комиссиях, включая Комиссию Европейского союза и так далее. Для большинства компаний — это новая тематика. Они на внутреннем рынке будут работать по международному праву, по праву ВТО. И я боюсь, что наши более опытные партнеры будут максимально использовать правила и процедуры ВТО, чтобы заходить на внутренний рынок России и Таможенного союза Евразийского пространства. А мы еще только будем учиться. Поэтому призываю наших партнеров: прежде, чем использовать все свои конкурентные преимущества, связанные со знанием процедур, правил и механизмов ВТО, научить им наших коллег. То же обращение к чиновникам — если комиссар Европейской комиссии, правительства других стран, предоставит нам информацию, как они защищают свой внутренний рынок, в том числе, манипулируя правилами и процедурами ВТО, это было бы нам полезно.

Второе — это, безусловно, режим свободной торговли. Это явно надстройка над ВТО и я думаю, Россия сейчас покажет несколько примеров заключения соглашений по свободной торговле. Вероятно, Европейский союз не окажется первым в списке, но, тем не менее, я думаю, это станет демонстрацией

готовности России к таким схемам и, вероятно, Евразийский экономический союз тоже должен быть готов. На мой взгляд, очень важно то, о чем упоминал Алехандро: верховенство закона. И здесь мы приступаем к толкованию этой формулы.

Месяц назад в Санкт-Петербурге состоялся Второй международный юридический форум с участием премьер-министра России Дмитрия Медведева. Председателем высшего арбитражного суда была высказана мысль о том, что нам решения международных судов не указ, что мы должны защищать российский бизнес, обеспечивая приоритетность решения российских судов. В этой связи я хотел бы, не называя фамилий, привести соображения одного крупного предпринимателя, который, судясь в нью-йоркском суде со своими партнерами по бизнесу, которые тоже являлись акционерами компании, принес решение суда — не будем говорить, российского, белорусского или украинского — в окружной суд города Нью-Йорк. Решение было в его пользу, и он хотел, чтобы Нью-Йоркский суд подтвердил это решение. Окружной прокурор, вернее, судья, объяснил ему, куда нужно засунуть это решение и что будет с активами компании этого предпринимателя в случае, если не будет исполнено решение нью-йоркского суда...

Вот почему, говоря о верховенстве закона в условиях ВТО, нам, безусловно, нужно работать не на основе национальной правовой юрисдикции и демонстрации ее суверенности, а на основе международных правил и признания их юрисдикций и решений иных судов. Нам нужно распространять исполнительное производство на решения этих судов. Для этого надо и само наше законодательство максимально гармонизировать с международным, чтобы международные структуры, в том числе и неформальные, та же “двадцатка”, продвигали эти стандарты и в правовой системе, и в системе регулирования торговли, инвестиций и так далее. Каких-либо успехов здесь добиться непросто. Татьяна Валовая упоминала дохийский раунд, который, даже с участием России в качестве члена ВТО, вряд ли в ближайшее время

выйдет на финишную прямую. Действительно, трудно добиваться согласованных решений в рамках организации, насчитывающей если не 200, то пусть даже 150 или 160 членов. И как был до этого закрыт уругвайский раунд, так закроется и дохийский, а там и какой-нибудь новый откроется... Ясно, что договоренности будут достигаться с большим трудом, тем более, когда появится такой новый игрок, как Россия, со своими интересами и своими коалициями.

Хорошо, что в ВТО есть коалиция, которая трактует пятую статью ГАЦ так же, как и мы хотим ее толковать: что она не распространяется на свободу транзита газа, поскольку в 1947 году, когда ГАЦ принимался, в мире не было ни одного газопровода. Некоторые крупные игроки ВТО придерживаются той же точки зрения и это показывает, что в отношении Европейского союза одна коалиция очень долго будет договариваться с другой.

Надо ли вводить процедуру представительной демократии? Международные структуры, даже такие жесткие, такие как Европейский союз, Еврокомиссия, Европарламент, Евросовет и другие, все время сталкиваются с тем, что у членов Европейского союза есть собственные волеизъявления. Если Президент Саркози с господином Тома договорились о какой-то конструкции сотрудничества в рамках Европейского союза или с Россией, то господин Олланд может поменять точку зрения, потому что ему некуда деваться. Если бы у правых было большинство хотя бы в Национальном собрании, можно было бы балансировать и отказываться от каких-то обещаний. А так — абсолютное большинство в обеих палатах парламента, и правительство можно однопартийное формировать. Следовательно — никуда не денешься от исполнения своих предвыборных обещаний! А они могут разойтись с обещаниями даже предыдущего национального правительства. Поэтому абсолютно прав Анатолий Чубайс, сказавший сегодня, что политическая интеграция отстает от экономической. Она и будет отставать. Мы в ближайшие десятилетия вряд ли создадим Соединенные Штаты Европы как жесткую политическую конструкцию, где решения будут приниматься не с

участием национальных суверенных парламентов и правительств, а только на основе межнациональных процедур.

То же самое, вероятно, будет происходить и в рамках евразийского пространства. Мы не можем передать весь суверенитет Виктору Борисовичу Христенко, хотя давно его знаем и понимаем, что он, как говорится, борозды не испортит, поскольку министром Европы он уже был с 1999 года. Сейчас он будет министр Азиопы или Евразии, не знаю, но и Дмитрий Анатольевич Медведев, и его коллеги Масимов и Мясникович, по разным причинам вряд ли передадут основной суверенитет на наднациональный уровень. И с этим, безусловно, надо мириться. Даже та национальная компетенция, которую мы себе оставили по вопросам, которые по здравому смыслу должны уйти на наднациональный уровень, например, в таможенной торговле и политике, свидетельствует, что нам еще долго идти до передачи на наднациональный уровень каких-либо политических функций. Может быть, когда-то мы к этому и придем, но хорошо бы прийти к тому, чтобы максимально гармонизировать, сделать едиными правила торговли, таможенные процедуры и так далее, опираясь на лучшие практики.

Последний сюжет по поводу тунгусского метеорита. Татьяна Дмитриевна вдохновила меня на это выступление. Вы правильно сказали, что неизвестно, что это было: неопознанный космический объект, метеорит или еще что-то. Очень не хочется, чтобы некоторое время спустя про нашу евразийскую интеграцию спрашивали: а что это было? Поэтому лучше все-таки памятники ставить, то есть, обозначать вехи продвижения, причем ставить на видных местах, чтобы их видели все: по Таможенному союзу продвинулись — зафиксировали, национальное законодательство привели в соответствие друг с другом и с международными стандартами. Выстроили конкурентную политику, политику технического регулирования, гармонизированную между собой и совместимую с европейскими стандартами. Я думаю, надо вехи ставить, чтобы не потеряться, чтобы не оказаться так далеко от основных

дорог цивилизации, что потом придется выяснять, где же мы были и почему не вышли на магистраль.

Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, Александр Николаевич.

Хочу извиниться выступающими и попросить вписываться в рамки регламента — это пять—шесть минут.

Я понял, что бизнесу политика не чужда — даже с точки зрения судеб мира и интеграционных объединений. У меня возник вопрос: 17 лет Россия присоединялась к ВТО, но кадры в бизнесе и кадры среди чиновничества, оказывается, не созрели, не подготовлены. Выясняется, что сейчас туда надо направлять все силы. Не верили, что ли, что присоединимся?! Я не хочу, чтобы подобного рода ситуация случилась и с интеграционными процессами. Я всех призываю к изучению того массива нормативных документов, который сегодня формируется и уже создает базу интеграции. Это уже тома, которые надо изучать! На всякий случай: Евразийский экономический суд, основополагающие документы по которому уже приняты, приступил к своей работе. На следующей неделе в этом суде будет рассматриваться первое дело. Ответчиком выступает Евразийская экономическая комиссия. Разбирательство будет вестись по тем делам, которые она еще не успела совершить, но по праву преемственности будет отвечать за совершенное ранее.

То есть, процесс пошел и, как классики нас в свое время призывали: надо учиться, учиться и учиться. Я в этой связи передаю слово Андрею Владимировичу Кобякову, Чрезвычайному и Полномочному послу Беларуси в России. Но, наверное, не в этом качестве, а потому, что он один из первых участников нового этапа формирования Таможенного союза. Как раз господин Кобяков, который еще в группе высокого уровня, сформированной в 2003 году четырьмя странами — тогда была еще Украина — начинал эту работу. Андрей

Владимирович достаточно хорошо и глубоко в этой теме разбирается. Думаю, мы услышим какие-то ответы на возникшие сегодня вопросы о Беларуси.

А. Кобяков:

Спасибо, Виктор Борисович за предоставленную возможность и такую лестную аттестацию. Постараюсь Вас не разочаровать.

Во-первых, я внимательно изучил вопросы, заявленные в преамбуле к нашей панели, и хочу их проанализировать и поискать поддержки у коллег. Так вот, евразийская интеграция — это углубление или расширение? Именно так поставлен вопрос. На мой взгляд, для Российской Федерации вопрос интеграции предрешен ее размерами и потенциалом. Российская Федерация может выступать только в качестве интегрирующего звена. Я не очень представляю себе, как такая страна, как Россия, начнет вступать в какой-то экономический союз, созданный до ее вступления. Что касается стран бывшего Советского Союза, каждая из них делает свой выбор. Ряд стран, как вы знаете, уже вступили в Европейский союз. Белоруссия и Казахстан приняли решение по формированию Таможенного союза с Российской Федерацией. Другие, несмотря на определенные политические лозунги, находятся на этапе выбора — где, с кем и когда интегрироваться. Поэтому я хотел бы напомнить историю этого процесса, протекавшего на пространстве СНГ.

На мой взгляд, историю реальной экономической интеграции необходимо вести с 6 января 1995 года, когда между Россией и Белоруссией было подписано соглашение о создании Таможенного союза, и к этому соглашению практически сразу, с интервалом несколько недель, присоединились Казахстан, Таджикистан, Киргизия — все те, кто в данный момент составляют ЕврАзЭС. Но реальный процесс создания единой таможенной территории проходил в двухстороннем формате и, хочу сказать, с переменным успехом.

В качестве положительного опыта я хочу обратить ваше внимание на то, что в 2004 году мы приняли судьбоносное решение о создании единого экономического пространства с участием Украины. Осталось решение по

переходу “двойки” на взимание налога на добавленную стоимость, снятию таможенного администрирования. Это был очень мощный прорыв, потому что снималась большая проблема взаимных претензий бюджетов, тем более в условиях постоянного отрицательного торгового баланса. Была серьезная проблема по фискальным функциям двух государств по взысканию этого налога. Мы смогли создать этот механизм — и это во многом Ваша заслуга, Виктор Борисович. Вы сумели убедить тогда своих коллег в правительстве в том, что ради расширенной интеграции с Белоруссией нужно решить этот частный вопрос, и мы его решили. А когда в 2010 году мы подписывали соглашение о создании единой таможенной территории Беларусь — Россия — Казахстан, наши казахстанские коллеги просто взяли тот опыт, который у нас уже был и внедрились его у себя. Это было сделано для того, чтобы на территории Таможенного союза мы могли проводить администрирование этого налога без каких-либо таможенных процедур на границе друг с другом. Другие моменты были в последующем учтены при формировании таможенного союза Беларусь—Россия—Казахстан. Например, взыскание ввозных таможенных пошлин. Начиная с 1995 года, с момента подписания соглашения, Белоруссия и Россия решили, что таможенные пошлины будут поступать в бюджеты сторон по месту таможенной очистки, по месту поступления товара на таможенную территорию. А потом возникли проблемы: товар проходит таможенно на территории одного государства, платежи идут в бюджет того же государства, а экономический оборот оказывается на территории другого государства. Это в итоге привело к дополнительному контролю со стороны третьих стран, и говорить о полноценной таможенной территории уже не приходилось. Но, учтя этот опыт «на двоих», мы «на троих» нашли другой способ решения этого вопроса: приняли решение о том, что где бы ни товар не проходил таможенное оформление — на территории Белоруссии, России или Казахстана, доходы бюджетов сторон от этого не зависят. И благодаря этой формуле, мы фактически ушли от вопроса, который на протяжении долгого

времени во многом портил отношения России и Белоруссии в деле создания таможенного союза.

Можно привести пример по созданию единого таможенного тарифа: Белоруссия и Россия его создавали, поскольку это была компетенция двух правительств, потом расходились во мнениях до определенного момента, потом опять создавали. Но создать наднациональный орган, который бы ввел этот единый таможенный тариф, «на двоих» у нас не получилось, в силу, вероятно, неготовности правительств передать эти полномочия наднациональным органам при разновеликости сторон по экономическому потенциалу. Тем не менее, «на троих» мы этот вопрос решили и уже втроем создали наднациональную комиссию Таможенного союза, которая стала вести единый таможенный тариф. На сегодняшний момент одной из функций Евразийской экономической комиссии является введение единого таможенного тарифа. Почему я так подробно излагаю? Я не ставлю вопрос — это углубление или расширение экономической интеграции. Это не вопрос «или — или», на мой взгляд, это вопрос «и — и», вопрос взаимного дополнения различных форматов, по которым медленно, но поступательно идет процесс интеграции.

Татьяна Дмитриевна говорила о том, что будущая мировая конструкция, мировое устройство экономического регулирования состоит в том, что будут править не страны, а будут осуществляться договоренности больших экономических интеграций. Вернусь к теме стран, которые не определили своего участия в экономической интеграции. На мой взгляд, гораздо правильнее и прагматичнее участвовать в формировании интеграционного объединения, быть его учредителем, чем проситься в успешное до определенного момента времени экономическое образование на Западе. Я не имею в виду Европейский Союз, дай бог ему здоровья и экономического процветания. Лучше быть учредителем нового экономического союза и с его позиций участвовать в переговорном процессе по дальнейшей интеграции Евразийского экономического союза и Европейского Союза, чем пытаться на

каких-то условиях вступить в это достаточно успешное образование. Полагаю, что опыт некоторых стран, которые потеряли целые сегменты своих экономик и по этой причине испытывают сегодня определенные экономические трудности, лучшее тому подтверждение.

Теперь по поводу единой валюты. Нам очень интересен проект, который был представлен на 5-м австралийском форуме группой российских ученых-академиков. Это исследование посвящено справедливому регулированию мировой дебетно-кредитной системы. Он нацелен на то, чтобы мировые финансовые регуляторы не пользовались монопольным положением и не спекулировали на монопольной эмиссии тех базовых продуктов, которые составляют сегодняшнюю корзину заработной фонда. Было предложено перевести все международные расчеты на СДМ, а сами СДМ переформатировать, изменив подход к их базовой корзине так, чтобы в ней были не только четыре известные валюты, но и валюты других уважаемых и знаковых государств. Определяя вес этих валют в корзине, предлагается учитывать не только объем золотовалютных резервов того или иного государства, но его экономический, ресурсный, территориальный, человеческий потенциал. Думаю, что Российская Федерация могла бы самостоятельно проводить эти предложения в том или ином виде, хотя и не утверждаю, что они напрямую приемлемы на сегодняшний момент.

На мой взгляд, путь в реальную глобальную экономику для стран бывшего СССР, в том числе и для Беларуси, и для Российской Федерации заключается в умножении экономического потенциала нашего объединения. Чем мощнее будет потенциал, тем значительнее окажется наш удельный вес в мировой корзине и тем в большей степени будут учитываться интересы стран, входящих в это экономическое объединение — в том числе, и при глобальном распределении интересов. Поэтому еще раз: и углубление, и расширение, и интеграция — это реальный путь в глобальную экономику. Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, господин Кобяков.

В наших выступлениях была упомянута евразийская, европейская интеграция и взаимодействие. Сегодня утром на панели, посвященной российско-европейским отношениям, эта тема возникала естественным образом. Дело заключается в том, что реальность функционирования наднационального органа, который уже возник на евразийском пространстве, реальность его полномочий, объем которых уже существенен и поступательно увеличивается, говорит о том, что искать пути углубления взаимодействия Европы и Евразии надо с участием новых структур, с учетом новых реалий.

В этом смысле, примечательны слова господина Шохина о режимах свободной торговли, о том, что Россия, возможно, будет искать и такие пути развития и либерализации своих рынков. Они будут осуществляться в формате трех стран и с участием общих комиссий, поскольку национальные и наднациональные компетенции уже разделены. Плюс интеграции заключается в том, что гораздо более серьезное объединение входит в процессы либерализации взаимодействия с новыми партнерами, с новыми структурами, будь то Европейский союз, будь то страны Азиатско-тихоокеанского региона. Я передаю слово господину Слепневу, министру по торговле Евразийской экономической комиссии, чтобы осветить и это направление.

Коллеги, еще раз призываю всех соблюдать регламент. Спасибо

А. Слепнев:

Действительно, тема сегодняшнего стола как нельзя более актуальная: глобализация и интеграция. Почему она актуальна? Кризис заставляет всех искать новые пространства для развития. Ряд экономистов говорит о новых технологических уровнях, о новых справедливых условиях на финансовых рынках. Господин Хара говорил — и с этим не поспоришь — о необходимости расширять регулирование. Я бы не согласился с тем, что на товарных рынках и в классической торговле все в порядке — конечно же, это не так. Новые амбициозные страны, развивающиеся страны, ставят под вопрос и появление

новых дисциплин, и всю философию, в частности — вопросы конкурентного права и вопросы транснациональных корпораций. Все вместе это показывает, что действительно, экономика, бизнес и политика предъявляют большой запрос на более справедливое экономическое мироустройство.

Как реально развиваются события? Если бросить короткий взгляд на историю 2000-х, которые сегодня называют тучными годами, когда все было благополучно, мы увидим, что региональная интеграция не стояла на месте. За последние 15-20 лет количество региональных торговых соглашений, соглашений преференциальных увеличилось у нас с 70 до 300. Мы видим, что существенно увеличивается глубина интеграционного регулирования. Перед АСЕАН стоит задача к 2015 году выйти на единый рынок и углубить регулирование. Государства Персидского залива заявили о своем намерении создать экономический союз в стандартах ЕС. Хорошо просматривается и логика развития самого ЕС, который, безусловно, является на сегодня образцовым интеграционным проектом и очевидно оказывается перед задачей более глубокой унификации регулирования и политической интеграции. Мы видим политику классических лидеров, которым также далеко не чужды интеграционные и региональные интеграционные настроения. Идея трансатлантического партнерства, продвигаемая Соединенными Штатами, и идеи соседства и расширения системы зон свободной торговли, продвигаемые ЕС, показывают, что ставка делается на интеграционные проекты, которые дают тот самый быстрый и практический результат, который так нужен всем в период экономической нестабильности.

Из всего этого можно сделать очевидный вывод, что прорывы в построении новой глобальной системы или прорывы в многосторонней торговой системе в ближайшей перспективе маловероятны. Наверное, стоит согласиться с тем, что сейчас должна наработаться некая база для новых конструкций, может быть, на основе представительных структур, о которых говорила Татьяна Дмитриевна Валовая. Мы поднимали вопрос на форуме АТЭС, что, вероятно, продвижение дохийского раунда возможно именно на базе формирования

партий внутри ВТО, причем партий с хорошей внутренней дисциплиной, чтобы решения могли приниматься и консенсус мог достигаться чуть легче.

Относительно эффектов от интеграционных объединений: углубление интеграции и повышение дисциплины внутри них — это позитивно для участников, однако создает и определенные риски протекционизма. Возникают риски появления новых барьеров уже не между странами, а между клубами, и эти барьеры могут оказаться более высокими и сложнее устраняемыми с учетом самой процедуры принятия решений. Примеры уже есть. ЕС и Россия активно обсуждают вопрос третьего энергопакета, который по некоторым позициям прямо нарушает существующие международные соглашения по инвестициям. Весь мир обсуждает с ЕС квоты на авиационные выбросы, но я не уверен, что будет легко внести какие-либо коррективы, поскольку сами эти решения рождались в условиях сложного компромисса внутри ЕС. В этой связи очень важна работа по гармонизации, сближению и обеспечению соотносимости регулирования внутри интегрированных структур, касается ли это такой важной темы как техническое регулирование, или каких-то других дисциплин. Очень важен диалог между интеграционными структурами, чтобы формирующиеся внутри них стандарты и правила были соотносимы и не приводили в дальнейшем к появлению непреодолимых барьеров.

Относительно евразийской интеграции мы можем подтвердить, что эффект от нее уже наблюдается. Если посмотреть динамику мировой торговли, то в прошлом году это 5% роста, а динамика торговли стран-объединений — плюс 34% с третьими странами и 38% внутри. Конечно, там есть влияние нефтегазового фактора. По первому кварталу мы видим, что динамика роста торговли с внешним миром, если в целом по данным ВТО — около 3%, то у стран-объединений она достигает 18% роста. Внутренняя торговля также выросла на 17,5%, с учетом того, что доля нефтегазового компонента здесь в два раза ниже, чем в торговле с третьими странами. Мы видим серьезный рост торговли машинотехнической продукцией, серьезные взаимные инвестиции, серьезную активизацию транспортных перевозок. То есть,

эффекты начинают проявляться в практическом плане и дают неплохие цифры на фоне того, что происходит в глобальной экономике.

В завершении несколько тезисов в отношении векторов: восток или запад. Само название «евразийская интеграция» показывает, что нельзя ставить ставку на один вектор. Это, конечно, два вектора: Европа — ключевой партнер, Азия — формирующийся центр роста, с растущим спросом и драйвер, который, безусловно, интересен как партнер. Мы сейчас активно ведем работу в рамках подходов к свободной торговле, ведем практические переговоры и консультации с целым рядом стран. Хочу отметить, что у нас сейчас 35 стран или объединений, которые в той или иной форме продемонстрировали свое желание заключить договор о зоне свободной торговли с нашим объединением. Тридцать пять — это по количеству, а если по доле в мировой торговле, наверное, будет процентов 90. Это означает, что нам надо дать в ближайшее время ответ, как мы будем участвовать в свободной торговле.

Акцент первичный — это Азиатско-тихоокеанский регион. Не потому, что Европа не акцент, а потому, что внутри ЕС нет готовности вести речь с уже сложившимся объединением, а не со странами в отдельности. Мы уверены в том, что интеграционный проект в евразийском пространстве не может рассматриваться как альтернатива формированию общего пространства с ЕС, скорее, наоборот, как способ формирования такого пространства. Простой пример: ведутся переговоры по новому базовому соглашению между Россией и ЕС, между Казахстаном и ЕС. Я уверен, что со временем тучи рассеются, и белорусское направление будет активизировано. Формирование евразийского пространства позволяет, по крайней мере, в торгово-экономической области, где есть и тучи, и очень концентрированные бизнес-интересы, вводить единообразные правила взаимоотношений между двумя крупными соседями, что облегчит и сделает более справедливыми такие отношения. Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо.

Как уже было сказано, Европейский союз является ключевым торговым и экономическим партнером для стран Евразийского союза. И, можно сказать, что он является держателем контрольного пакета. Касается ли дело торговли или инвестиционной сферы — от взаимодействия, от союзнических, межсоюзнических взаимоотношений и от их настроенности на долгую перспективу зависит очень многое. Зависит понимание того, как будут развиваться важнейшие процессы в наших экономиках. Не менее важно, как реагирует бизнес. Потому что, в конечном счете, расширяющиеся рынки, либерализованная экономика сводятся к вопросу, как все это чувствует бизнес.

Хочу передать слово господину Райнеру Хартманну — Ассоциация европейского бизнеса в России, именно в этом его качестве, а не как матерому энергетика. Надеемся, что он поделится соображениями не по третьему энергетическому пакету (хотя для нас всех это очень важно), а по перспективам и видению евразийской интеграции.

Р. Хартманн:

Виктор, я узнал много нового во время нашей сессии. Теперь я знаю, где находится центр мира— или, по крайней мере, центр Евразии. Кроме того, я узнал, что новое соглашение будет более или менее соответствовать Третьему энергетическому пакету.

Дамы и господа, утопии должны остаться в прошлом. Реальность — сотрудничество и создание единого экономического пространства от Атлантического до Тихого океана. Такова реальность: мы видим, как идет этот процесс. Здесь высказывалось много умных мыслей. Я рад, что мне не придется возвращаться к моим записям и высказывать еще одну. Ассоциация европейского бизнеса и ее российские партнеры поспособствовали улучшению условий для взаимных инвестиций между Европой и Россией. Теперь мы должны сделать следующий шаг. Дело в том, что создаваемый под

руководством господина Христенко и его команды Евразийский союз столкнется с теми же проблемами, что и мы, инвесторы, когда пришли на российский рынок в сложные времена. Сейчас мы видим фундаментальные улучшения.

Мы готовы помочь формированию Евразийского союза, а Евразийский союз готов предоставить нам возможность участия в решении определенных проблем в области бизнеса. Господин Христенко был у нас, мы долго беседовали с ним на эту тему. Итак, мы будем реализовывать наши планы.

В заключение хочу сказать одну вещь. Я помню декабрь 1991 года, когда подписывалось Беловежское соглашение. Тогда один очень мудрый советский дипломат сказал мне: «Райнер, советские республики должны сейчас разойтись на некоторое время, чтобы потом воссоединиться снова». Сегодня мы наблюдаем именно этот процесс. Но Советский Союз, как мы знаем, был единым государством с высоким уровнем интеграции — значительно более высоким, чем сегодняшний Европейский союз. В нем были единая экономика, единая финансовая система, единое научное, геополитическое и культурное пространство и так далее.

Мне кажется, сейчас происходит восстановление этого единства. Конечно, — и об этом нельзя забывать — восстановление единства не означает возвращения к советской политической или идеологической системе. Правда, в Брюсселе и Вашингтоне иногда думают иначе.

В 2011 году, после создания Таможенного союза и снятия таможенных барьеров, товарооборот между Беларусью и Казахстаном увеличился почти на 40%, а в первые два месяца этого года еще на 13%. Это происходит на фоне спада в мировой торговле, европейского кризиса и, конечно, вступления России в ВТО. Думаю, Евразийский союз появился во многом благодаря работе, проделанной внутри СНГ, а также диалогу между ЕС и Россией. По моему, пора задаться вопросом, как все это может повлиять на межгосударственные отношения — в частности, между ЕС и Россией.

Как представитель европейского бизнеса, я убежден, что движение происходит в правильном направлении

На этом я хотел бы закончить. Наша ассоциация способна и готова помогать во всех случаях, где могут пригодиться наши знания и опыт. Я уверен, что сегодня мы имеем дело с реальностью, а не с утопией. Реальность такова, что мы находимся на полпути к возникновению нового, незападного миропорядка, и должны принять и осознать этот факт. Могу вас заверить, что бизнес уже принял и осознал его.

В. Христенко:

Спасибо, Райнер.

Конечно, многие здесь сидящие родились в СССР, но я хочу сказать, что не фантомные боли двигают процесс интеграции, а образы будущего. Образы будущего, если говорить об интеграционных процессах, безусловно, отражены в наших партнерах из Европейского союза, поскольку это самая продвинутая форма интеграции, которая, сталкиваясь с тяжелейшими вызовами, справляется с ними не в ущерб, а в пользу интеграции, в углубление интеграции. Так бывает, когда человек идет по лестнице и оступился, надо, чтобы нос не разбить, не упасть на ступеньку, пробежать несколько ступенек... И, наверное, придется и европейской интеграции приложить усилия для того, чтобы пройти этот этап, чуть углубить интеграцию. А для нас это хорошие поучительные примеры того, что конкретно предстоит делать в ближайшее время.

В 1994 году, выступая с лекцией в МГУ, Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев преподнес Евразийскую интеграцию как идею, как образ, как политический проект. Собственно, с того времени многие политики и экономисты обращаются к евразийской идее. Кто-то воспринимает ее в штыки, вероятно, видя в этом, угрозу собственному благополучию, кто-то видит надежду. Но она так или иначе движет многими процессами, и мы всегда подчеркивали и понимали особую роль Казахстана в истории евразийской

интеграции. Поэтому я с удовольствием передаю слово Кайрату Нематовичу Келимбетову вице-премьеру правительства Казахстана. Пожалуйста.

К. Келимбетов:

Спасибо большое, Виктор Борисович, за то, что Вы напомнили об истоках. Сегодня много говорится о поиске и предпринимаются попытки найти интеграционную идентичность единого экономического пространства, определить будущее Евразийского экономического союза. Действительно, была постсоветская реальность, которая должна была родить новую идентичность. И сегодня евразийская экономическая интеграция, наверное, является той формой геокультурной или геоэкономической идентичности, которую мы все вместе пытаемся нащупать.

Если вспоминать 1994 год, когда многие страны на постсоветском пространстве испытывали большие трудности, сложно было говорить о каких-то объединениях, о преимуществах объединений. И, наверное, самой желанной моделью, мечтой об интеграции был опыт Европейского союза. Но за последние 17-18 лет мы убедились, что и этот опыт не безоблачен, и там есть свои вопросы и проблемы. Однако путь, который пройден Европейским союзом, дает опору для размышлений, о возможности инкорпорирования этого опыта на нашем пространстве. Мне кажется, что тот опыт, который мы пережили на постсоветском пространстве — создание Содружества независимых государств, создание ЕврАзЭСа и разные другие формы сотрудничества, свидетельствуют о том, что есть некая геокультурная идентичность, что страны стремятся взаимодействовать друг с другом и это, конечно, во многом определяет наше сотрудничество.

С другой стороны, когда мы спрашиваем: а что нового появилось в этой идентичности — то, с одной стороны это подходы равного партнерства. А с другой — понимание новых вызовов: сегодня никто не пытается остаться на месте, все думают о том, что произойдет в будущем. То есть о том, как нам общими усилиями создать нечто новое, которое отвечало бы новым вызовам.

Когда задают вопрос о том, что нужно, то перед российским государством всегда стояла дилемма: какое направление выбрать европейское или азиатское. В российской гербовой символике дан на это точный ответ: можно заниматься и Западом, и Востоком. Тем более, что Восток — это новая геоэкономическая реальность, когда китайская экономика и многие другие азиатские экономики становятся драйверами мирового экономического роста. И в этом смысле одна из ниш нашего пространства — это решение вопросов мировой энергетической безопасности, как в европейском направлении, так и в азиатском. Мне кажется, это то направление, которое мы должны прорабатывать совместно, и совместно находить возможности как для кооперации, так и для развития.

Второй важный вопрос, который сегодня нужно обсудить, это вопрос о ЕЭП и ВТО. Что это — противоречие или взаимодополняемость? Мне кажется, само присутствие на этом заседании заместителя генерального директора ВТО и тот факт, что в самые ближайшие дни Российская Федерация ратифицирует блок законов о вступлении в ВТО, говорит о том, что вопросов здесь никаких нет. Вся евразийская экономическая интеграция базируется на принципах, которые институционализированы Всемирной торговой организацией, то есть, играть по правилам ВТО — это то, с чем мы согласились в начале 90-х, то, к чему мы шли, то, к чему нам нужно теперь адаптироваться. Потому что вступление в ВТО — это не завершение некоего процесса, а начало совершенно нового этапа взаимодействия в мировой торговой системе, откровенно говоря, не всегда справедливой, с нашей точки зрения. Тем не менее — это мощнейшие институты, и мы должны быть готовы к тому, что будет множество последствий. В этом смысле наше объединение — это своего рода ответ, мы вместе должны отвечать на те вызовы, которые будут предъявлены после вступления в ВТО. С другой стороны, само создание единого экономического пространства — это тоже не конечная точка интеграции. Наши лидеры определили, что к 1 января 2015 года мы должны подойти к формированию Евразийского экономического союза. Это значит, что

будет некое дополнительное углубление нашего сотрудничества. Потому что углубление означает упрощение взаимодействия для бизнесов внутри наших стран, более тесная интеграция в создании лучших условий для наших бизнесов — это то, над чем мы должны работать. Расширение же означает, что мы не закрытый клуб трех стран, мы объединение, которое предполагает инкорпорирование и других стран, прежде всего, на постсоветском пространстве. Следует сказать об Украине и о других странах, но на принципах той интеграции, которая уже на сегодняшний день произошла. За последние три года мы проделали огромную работу: было принято большое количество соглашений, и теперь страна должна продемонстрировать свою способность к интеграции. На сегодня только три страны могут продемонстрировать такую способность в полной мере. Мы сегодня видим, что не все страны Европейского союза могут соответствовать тем принципам, на которых эта интеграция была провозглашена. И, я думаю, что новые члены Таможенного союза, Единого экономического пространства (в будущем — Евразийского экономического союза, потому что мы не будем стоять на месте), тоже должны продемонстрировать эту способность.

И, наконец, последний вопрос: интеграция на бумаге или на деле?! Де-юре проделана огромная работа, и она продолжается в виде кодификации всей той законодательной базы, всех тех соглашений, которые были прописаны. Но пока не произошло интеграции де-факто — а это, прежде всего, реализация новых совместных проектов. То есть мы вместе должны научиться что-то делать, как, например, весь европейский союз делает Airbus. Это примеры уже классические, они часто приводятся. Россия сейчас делает Superjet, и вчера две страны - Казахстан и Белоруссия заявили о том, что тоже хотели бы участвовать в этой высокотехнологичной интеграции. Это могут быть совершенно новые совместные проекты по созданию единого энергетического пространства, по освоению Сибири и Дальнего Востока. Например, по каким-то новым энергетическим возможностям в Центральной Азии. Мы должны научиться что-то делать вместе, научиться координировать работу и вместе

создавать более конкурентоспособные условия для нашего бизнеса. Сегодня бизнес Всемирного банка занимает сорок седьмое место, Россия хочет быть на двадцатом.

Я думаю, что нам всем нужно над этим дальше работать, а та работа, которая уже проделана — не повод для самоуспокоения, а возможность идти вперед. Сегодня много вопросов со стороны инвесторов, в том числе, из Европейского союза и из азиатских стран: что это, как с этим иметь дело? Я думаю, что та работа, которую проводит наша комиссия, наши правительства, в том числе по зонам свободной торговли — это возможность более тесной торговой интеграции с новыми европейскими и азиатскими рынками, это огромные возможности для нашего бизнеса. Нам нужно вместе смотреть вперед.

Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, Кайрат Нематович. Я сейчас на секунду размечтался: а что было бы, если бы Советский Союз вступил в ГАТТ в свое время?! И что бы было сейчас с нами, и что бы мы обсуждали? Конечно, история не знает сослагательного наклонения — «что было бы, если бы». Но, тем не менее, глядя вперед и в будущее (мне кажется, Кайрат Нематович это удачно подчеркнул), важно видеть как можно дальше. Потому что и новые большие проекты рассчитаны на десятилетия, и многие существенные позиции, в том числе, и региональная идентификация, в частности в энергетике, где возможности энергетики при глобальном позиционировании ясно прописаны, дают хорошие опорные точки для выстраивания долгосрочных трендов на 30—50 лет. Хочу сейчас передать слово Александру Рару — журналисту, политологу, директору Центра при Совете по внешней политике Германии, известному человеку, которому свойственно судить и о текущих делах, и видеть перспективу. С учетом того, что Вы «финалист», у Вас будет возможность учесть уже высказанное.

Александр, Вам слово.

А. Пар:

Спасибо, Виктор Борисович.

Закругляться пора, и я попытаюсь это сделать. Во-первых, здесь фантастическая атмосфера — она очень отличается от атмосферы дискуссий, которые идут в Европейском союзе. Там мы говорим о развале, о том, что, возможно, будет дезинтеграция еврозоны, все держатся за друг друга. А здесь — расширение и интеграция: совсем другой процесс. Кто бы мог подумать! Что интересно, 20 лет тому назад все было ровно наоборот.

Мне кажется, если смотреть с точки зрения Европейского союза на развитие Евразийского союза, то нужно, конечно, иметь в виду один термин, который мы так-то подзабыли. Это слово обычно режет слух и русским, и казахстанцам, и белорусам. Но мне, как западному политологу нужно его подчеркнуть — это те самые пресловутые ценности, которые сегодня в Европейском союзе играют главенствующую роль. Мы говорим о себе, что мы не экономический клуб, а, в первую очередь — клуб ценностей. Что я этим хочу сказать? Что есть именно западный подход к созданию Евразийского союза, который, с одной стороны, рассматривается с точки зрения целостной политики — как она будет проводиться в Евразии и, естественно, геополитической. О геополитическом подходе мы здесь очень много говорили, и все сказано было прекрасно, корректно. Кстати, господин Шохин заявил, что 20 лет российский бизнес пытался понять Всемирную торговую организацию, и все равно еще могут возникнуть ошибки. Я могу вам сказать, что наоборот, западный бизнес хочет понять Россию, и до сих пор много здесь не понимает и постоянно спотыкается. Этот Форум, конечно, помогает такие проблемы решать, но и показывает некую дистанцию, на которой мы все существуем. Я думаю, с точки зрения Европейского союза, будет хорошо, если все участники этого процесса, Евразийского союза, будут членами WTO, Всемирной торговой организации — это успокоит, это создаст рамки, в которых можно будет работать.

Второй момент: конечно, все боятся (об этом и говорил господин Хартманн), что здесь возможна попытка России доминировать на постсоветском пространстве. Ведь Евразийский союз объединяет 70% бывшей советской территории! Если туда войдет Украина — это будет 85% бывшей советской территории. Евразийский союз в десять раз больше, чем Европейский союз, на эти масштабы тоже надо сегодня смотреть! Они впечатляют, они о многом говорят и, естественно, возникает много вопросов. А куда это будет развиваться, какие там будут ценности, как будет выстраиваться общая политика в отношении Запада? Я вспоминаю, что, когда Россия еще не участвовала в попытках реинтегрировать постсоветское пространство, когда всем хватало СНГ, тогда на те региональные союзы, которые могли возникнуть, смотрели более положительно. Вспомним поддержку ГУАМ, или, скажем, Центрально-азиатскую инициативу объединить все государства Центральной Азии в один экономический союз, чтобы они легче общались, чтобы легче было инвестировать. Вот этот силлогический момент, страх, что Россия там будет доминировать, конечно, присутствует. И поэтому мы в Европейском союзе задаем себе вопрос: насколько Евразийский союз будет похож на европейскую модель?

Еще один аспект: Европейский союз создавался фактически двумя государствами: Германией и Францией. Это сбалансировало всю конструкцию. Архитектура Европейского союза 50-х, 60-х годов не вызывала боязни, что это новая империя Германии. Наоборот, два бывших соперника, которые постоянно воевали между собой, взялись за руки и начали восстанавливать новую Европу. Я думаю, интересно было бы, если бы в евразийском пространстве, Евразийском союзе помимо России нашелся еще второй или даже третий мотор — Казахстан, может быть, Украина, чтобы они вместе создавали этот союз, чтобы всегда присутствовала демократичность. Это с точки зрения Европейского союза выглядело бы как очень большой плюс и помогало бы лучше, позитивней и конструктивней смотреть на перспективы сотрудничества.

Нужно учесть и еще один аспект: мы находимся по-прежнему в глубочайшем кризисе. Может быть, мы в Европе, в Европейском союзе, вошли в него глубже, чем вы в Евразии, и вопрос далеко не решен: какая модель политической, экономической системы окажется более жизнеспособной в новом мире после кризиса? Я думаю, если трезво посмотреть на вещи — не догматично, не идеологически — то нужно признать, что на евразийском пространстве может появиться какая-то новая модель госкапитализма, которая в тех условиях, в которых сейчас находится мир, будет более успешно содействовать выходу из кризиса, чем старая либеральная экономическая модель. Европа тоже проходит сейчас очень трудный тест на испытания и многие серьезные эксперты полагают, что она в таком виде не сможет пережить следующие два-три года.

Если коротко говорить о том, что нас связывает, то очень важно, чтобы мы — Европейский союз и Евразийский союз — работали вместе как Soft power (мягкая власть), чтобы забыли все эту геополитику, а историю Европы определяла бы и Heart power (власть сердца) — это будет нас притягивать друг к другу. Я понимаю, что элиты в постсоветском пространстве в Евразийском союзе могут легче интегрироваться, потому что они когда-то были одним государством, в отличие от европейцев, которые 60 лет шли к объединению. Но, мне кажется, что у Евразийского союза, действительно, есть потенциал расширения, он может расширяться на Восток, в то время как для Европейского союза этот путь же закрыт. Тем важнее для Европейского союза создание институциональных союзов. Нам нужен альянс с Евразийским союзом. Мы будем нуждаться в энергетических потоках с востока на запад все больше и больше, потому что Европейский союз, как всем известно, уже не имеет своих запасов нефти и газа, как в предыдущие десятилетия. Нам нужны партнерства по ресурсам. Немцы сейчас это выстроили с Казахстаном, теперь мы будем искать такие же подходы к России. С Монголией тоже создано партнерство по ресурсам. Без этих ресурсов (это не только нефть и газ, но и минералы и много других полезных ископаемых) западные экономики из

кризиса выйти не смогут. На этом ресурсном партнерстве будет построено много всего доверительного и вполне реального.

Нельзя забывать и вопрос безопасности: НАТО не сможет осуществить выход из Афганистана без сотрудничества с региональными державами на постсоветском пространстве, и этот аспект в Евразийском союзе еще не обсуждается. Вопросы безопасности, скорее, относятся к ШОС, но Евразийский союз будет сотрудничать с этой организацией, и аспект региональной безопасности, я думаю, встанет во главе угла когда возобновится выход НАТО из Афганистана, когда потребуется выводить войска и военную технику.

Каковы перспективы? Очень кратко об этом. Я уже заканчиваю. Мне очень понравилось то, что сказал господин Слепнев: реально и интересно с нашей, западной, точки зрения. Действительно, чем в итоге станет Евразийский союз? Мы сами пока что не можем дать ответ на этот вопрос. Что это — некий «Европейский союз — Восток», который через 10-20 лет объединится с Европейским союзом, в какой-то общий «европейский дом»? Это было бы желательно, я думаю, для очень многих из тех, кто присутствует в этом зале. Или это, действительно, может стать формой вынужденного ухода России—Казахстана—Белоруссии из Европы в Азию — потому что там им интересней, там нет визовых барьеров и там не проводятся постоянно консультации и разговоры по поводу ценностей, которые одни разделяют, а другие нет.

Суммирую еще раз: Евросоюзу действительно нужен партнер по ресурсу в Евразийском совете, конечно, рынок сбыта, но и плацдарм для больших инвестиций, куда Европа всегда будет стремиться. А Евразийскому союзу, мне кажется, очень нужен Евросоюз — как технологическая база, чтобы закупать технологии, и, конечно, для того, чтобы иметь общую модель норм и общей правовой системы для Европы — тогда мы построим общий европейский дом. Такова перспектива.

Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, господин Пар. Коллеги, я как модератор не справился со своими обязанностями и вышел за регламент на десять минут. У нас еще два докладчика. Если есть необходимость, коллеги, по одной минуте что-то сказать, мы к вашим услугам.

Игорь Юрьевич Юргенс, председатель правления Института современного развития.

И. Юргенс:

Уважаемый Виктор Борисович, коллеги. Первое: любому интернациональному объединению нужно экспертное учреждение. Европейский союз имеет центр «Европейский совет — Азия», «Европейский союз — Россия», Трансатлантический диалог. Предприниматели в этом экспертном совете будут участвовать, но эксперт играет иную роль. Вот, например, вступление Украины — сложный политический вопрос, но в преподавательском сообществе можно обсуждать его в совершенно другом аспекте. В принципе, любому интеграционному объединению нужна своя библиотечка, свое экспертное сопровождение, свой анализ того, как он, Евразийский союз, соотносится и с ЕС, и с ОПЕС, и конкретно с Китаем — это вам мое предложение, мы можем над этим поработать более обстоятельно в то время, которое будет для этого отведено. Что касается масштабных евразийских проектов, то вспомним историю: один Великий шелковый путь чего стоит! Китайцы, кстати, несмотря на всю свою осторожность, уже готовы — в переносном, конечно, смысле - такой же путь выстроить, но уже в виде шестиполосного шоссе. Этот трансконтинентальный путь, эта «золотая миля» может стать мостом, заново соединяющим всех нас — и Европу, и Азию.

Ну и последнее: не спешите с расширением: Грецию в ЕС приняли, а сейчас чешут репу... Давайте-ка с Кыргызстаном, Таджикистаном, с другими республиками подумаем. Мы, эксперты, предлагаем с этими решениями не спешить.

В. Христенко:

Спасибо, Игорь Юрьевич, за предложения. Считайте, что многие из них уже легли на стол — и не на стол для обсуждения, а на стол для реализации.

Игорь Валентинович Финогенов, председатель правления Евразийского банка.

И. Финогенов:

Я хотел сказать, что все-таки экспертное сопровождение этих процессов уже в какой-то мере имеется. В частности, у нас в банке создан Центр интеграционных исследований, он уже проводил некоторые исследования, в том числе, о влиянии интеграционных процессов на конкретные экономические процессы на этой территории. Что я хочу этим сказать? Исследования показали, что для Белоруссии, например, интеграция — это дополнительные 16% ВВП до периода 2030 года. Но все это только возможности, все это потенциал, и цифры превратятся в реальность только вследствие конкретных усилий конкретных бизнесменов, которые должны осознать новые возможности. Потому что все эти цифры прогнозируются на предположении, что будет расширяться технологическая кооперация, будут запускаться новые проекты, в том числе те, о которых уже говорят десятилетиями, проекты в области высоких технологий — это космос, авиация, судостроение и так далее. Только в этом случае что-то произойдет. Поэтому, призываю всех: надо думать, как популяризировать те возможности, которые уже сегодня открываются на едином экономическом пространстве.

В. Христенко:

Спасибо.

Господин Шохин упоминал о связке Президента Саркози с господином Тома. Николя Саркози сегодня в зале нет, но господин Тома есть. Будьте любезны микрофон.

Ж.-П. Тома:

Это первая интеграция культурного обмена. Не так просто перейти на другой язык при общении друг с другом. Слава богу, у нас есть переводчики.

Когда Президент Саркози попросил меня подготовить доклад о создании евро-российского экономического пространства, включая интеграцию Таможенного союза, мы сразу поняли актуальность этой темы.

Сегодня Европа переживает серьезный кризис. Мы прекрасно знаем, что, с одной стороны, есть Европа, которая накапливает долги, у которой нет возможности роста и которая стремится к политической интеграции, а с другой стороны — есть Россия со своими союзниками в Таможенном союзе, которой необходимо преуспеть в осуществлении плана модернизации, которая действительно растет, обладает резервами, но нуждается в технологиях. У нас есть необходимые технологии. Французы, немцы, испанцы, представители Центральной и Западной Европы — все мы можем помочь нашим российским друзьям преуспеть в выполнении плана модернизации, так как наши экономики действительно взаимодополняемы. В настоящее время главные партнеры России — это Европа, а также МЕРКОСУР, АСЕАН и другие интеграционные организации. Почему бы не создать действительно крупную зону свободной торговли, обмена кадрами и технологиями? Таким образом мы поступили в Европе при заключении Римского договора. В частности, необходимо отказаться от виз: действительно, нет смысла тратить время на их получение. Об этом говорил и Владимир Путин. Необходима стратегия развития Европы, поскольку ясно, что проблему задолженности не решить за счет бюджетных средств. Господин Шохин совершенно справедливо заметил, что в Европе могут произойти политические изменения. В этом году французов на Форуме меньше, чем было несколько лет назад. Но все еще вернется на круги своя.

Европа не может жить без новой стратегии, которая бы способствовала ее росту. В своем докладе я сравнил взаимодополняемость и конкурентность. Альтернативная стратегия для Европы — это Россия. Есть Соединенные

Штаты, есть Азия и Китай, который является крупнейшим мировым двигателем в отношении роста. И некоторые экономисты увидели, что мы станем торговыми партнерами так же как с Соединенными Штатами. Но с Россией у нас масса возможностей, гораздо меньше конкуренции и гораздо более высокая степень взаимодополняемости. Посмотрите на энергетику. Вы сейчас говорили о ценностях. Нужно очень осторожно подходить к обсуждению ценностей, чтобы не допустить бесплодных дебатов.

Не стоит переходить к стандартному обсуждению великих ценностей. Сейчас главная тема — это энергетика. Обсуждение энергетической зависимости и энергетического пакета не имеет смысла, как и разделение таких элементов, как производитель, доставка и потребитель. Во Франции интегрируют все три элемента. В англо-саксонской и американской системах они разделены.

Для России это не имеет значения, если мы хотим добиться общего пространства, о чем также говорил Президент Путин. Необходимо перейти от обсуждения зависимости к обсуждению взаимодополняемости. Тогда не будет никаких оснований для обсуждения энергетики. Действительно, очень важно иметь общее энергетическое пространство, благодаря этому мы сможем стать зоной стабильности и процветания.

В заключение я хотел бы сказать несколько слов о культурной проблеме. Для того чтобы развиваться, необходимо помнить о культуре. Необходимо приложить определенные усилия с обеих сторон, чтобы лучше понимать друг друга и чтобы европейцы, в частности французы, перестали только учить, а Россия, наконец, показала бы себя. Россия — это совсем не то, что представляют себе европейцы. Россия очень изменилась. Вместе мы можем многое сделать. Я думаю, мы можем создать самое большое, самое главное экономическое пространство в мире. Спасибо.

В. Христенко:

Спасибо, господин Тома, уважаемые коллеги.

Ничто так дорого не зарабатывается и так легко не утрачивается, как доверие. Я уверен, что мы в сегодняшней дискуссии укрепили взаимное доверие, и надеюсь, что мы будем действовать в этом русле и дальше. Всем огромное спасибо.